

ПРАВЛЕНИЕ ШИБАНИДОВ В САМАРКАНДЕ: ЛЕГИТИМАЦИЯ, КУЛЬТУРА И МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ЗОДЧЕСТВО (1512–1578)

Азим Маликов

*Университет Палацкого в Оломоуце
Оломоуц, Чешская Республика
azimmal2018@gmail.com*

Цель: проанализировать культуру и монументальное зодчество в Самарканде в эпоху правления Шибанидов и выявить истоки культурных традиций в архитектурном строительстве в Самарканде в XVI веке.

Материалы исследования: использованы сочинения среднеазиатских, персидских, тюркских авторов XVI–XVIII в.: Зайн ад-Дина Васифи, Абдаллаха Насраллахи, Мирза Мухаммад Хайдара, Хафиз Таныша Бухари, Нисари, Ракими, архивные материалы Л.Маньковской, М.Массона из Центрального Государственного архива Республики Узбекистан. Также подробно анализируются публикации российских, советских, пост-советских и зарубежных специалистов по истории и культуры Шибанидов – В.Бартольда, А.Семенова, Г.Пугаченковой, Е.Давидович, Б.Ахмедова, Р.Макчесни, М.Саиджанова, Т.Султанова, Д.ДиУиса, Ф.Шварца, Е.Смагулова, Б.Бабаджанова, А.Муминова, К.Катгаева, Б.Норика и др.

Результаты и научная новизна: Шибаниды Кучкунджи-хан, Суюнчходжа-хан и их потомки сочетали в своей генеалогии как золотоордынские джучидские, так и тимуридские корни и использовали этот факт в своей легитимации. Политическая система государства, выражающаяся в существовании сильных уделов, из которых выделялся Самарканд, оказала влияние на формирование локальной культурной идентичности. Эти особенности нашли отражение в монументальном зодчестве в Самарканде, в которой произошел синтез культурных традиций присырдарьинских районов Улуса Джучи и Хорезма и тимуридского наследия Мавераннахра.

В Самарканде в XVI веке сформировались три разных по архитектуре и географическому расположению мемориальных места, где были похоронены представители династии Шибанидов. Каждое из них отражало различные идеологические линии, которых придерживались те или иные представители Шибанидов. По мнению автора, в Самарканде Шибаниды-Кучкунджида построили медресе, продолжавшее определенные тимуридские традиции, но вместе с тем сочетавшее определенные элементы архитектуры Золотой Орды. Сооружение медресе Абу Саид-хана в историческом центре Самарканда вблизи медресе Мирзо Улугбека имело символическое значение. Поддержка использования тюркского языка в Мавераннахре первыми Шибанидами была обусловлена как тимуридскими традициями, так и золотоордынским наследием, в котором значительное место занимал тюркский литературный язык.

Ключевые слова: Золотая Орда, Шибаниды, медресе, мавзолей, Центральная Азия, Самарканд, легитимация

© Маликов А., 2023



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Маликов А. Правление Шибанидов в Самарканде: легитимация, культура и монументальное зодчество (1512–1578) // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, №1. С. 143–166. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.143-166 EDN: MJQEND

Финансирование: Исследование по теме статьи было осуществлено благодаря гранту European Regional Development Fund – Project “Sinophone Borderlands: Interaction at the Edges” CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791”.

THE SHIBANID RULE IN SAMARKAND: LEGITIMATION, CULTURE AND MONUMENTAL ARCHITECTURE (1512–1578)

Azim Malikov

*Palacky University Olomouc
Olomouc, Czech Republic
azimmel2018@gmail.com*

Abstract: *Research objectives:* The objective of this research is to analyze the culture and monumental architecture of Samarkand during the reign of the Shibanids, and to identify the origins of cultural traditions in architectural construction in Samarkand between 1512–1578.

Research materials: The study mainly uses historical works by Central Asian, Persian, and Turkic authors from the sixteenth to eighteenth centuries, such as Khwandamir, Zayn ad-din Vasifi, Abdallah Nasrallahi, Mirza Muhammad Haydar, Nisari, Hafiz Tanysh Bukhari, Raqimi, as well as archive materials of L. Mankovskaya and M. Masson from the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan. Additionally, publications of Russian, Soviet, and post-Soviet specialists on the history of Central Asia, including V. Bartold, A. Semenov, R. Mukminova, B. Akhmedov, R. McChesney, T. Sultanov, K. Baypakov, E. Smagulov, D. DeWeese, F. Schwartz, A. Muminov, K. Kattaev, B. Babajanov, V. Norik, etc. are also analyzed in detail.

Results and novelty of the research: The Shibanids Kuchkunji Khan, Suyunchkhoja Khan, and their descendants combined Jochid and Timurid roots in their genealogy and used this to legitimize their rule. The political system of the state, characterized by strong regionalism in which Samarkand stood out, influenced the formation of local cultural identity, which was reflected in the monumental architecture in Samarkand. This architecture shows a synthesis of cultural traditions from the Syr Darya regions of Ulus Jochi and Khorezm and the Timurid heritage of Maverannahr. During the 16th century in Samarkand, three memorial places with different architectural styles and geographical locations were built, where representatives of the Shibanid dynasty were buried. Each of them reflected different ideological lines, followed by certain representatives of the Shibanids. According to the author, the Shibanids-Kuchkunjids built a madrasah in Samarkand that continued certain Timurid traditions, while simultaneously incorporating elements of Golden Horde architecture. The construction of the madrasah of Abu Said Khan in the historical centre of Samarkand, near the madrasah of Mirzo Ulugbek, had symbolic meaning. The first Shibanids supported the use of the Turkic language in Maverannahr due to both Timurid traditions and the Golden Horde heritage, in which the Turkic literary language occupied a significant place.

Keywords: Golden Horde, Shibanids, Central Asia, madrasa, mausoleum, Samarkand, legitimation

For citation: Malikov A. The Shibaniid rule in Samarkand: Legitimation, Culture and Monumental Architecture (1512–1578). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 143–166. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.143-166 (In Russian)

Financial Support: Research on the topic of the article was carried out thanks to the European Regional Development Fund – Project “Sinophone Borderlands: Interaction at the Edges” CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791”.

При изучении архитектуры средневековых столиц немаловажно принимать во внимание сложные вопросы идеологии, легитимации политических элит и традиций населения. Как полагает Сабтельни, среди мотивов архитектурного патронажа можно выделить политическую легитимацию [70, р. 494–495]. Исторические памятники расширяют наши знания об истории государств, а также способствуют пониманию аспектов культурной истории, которые раньше в значительной степени игнорировались. Кюгельген для Бухарского ханства выделяет категорию легитимации посредством сохранения норм, которая осуществлялась через сохранение чингизидского военного порядка, борьбу с неверными, связь с общепризнанным суфийским шейхом, строительство общественно-культурных зданий [22, с. 55–56].

Один из крупных средневековых культурных центров Среднего Востока – Самарканд традиционно почитался как священный исламский город, город святых [23]. Историки XVI века называли город «доруссалтана Самарканд», т.е. средоточие власти [10, с. 219; 27, с. 14]. В XVI веке Самарканд переживал новый этап своего развития. Эта эпоха считается одним из малоизученных периодов истории Самарканда, который входил в состав государства, возглавляемого династией Шибанидов (Абулхайридов)¹. Те или иные аспекты истории благоустройства Самарканда в эпоху Шибанидов нашли отражение в сочинениях Мирза Мухаммад Хайдара, Зайн ад-Дина Васифи, Абдаллаха Насраллахи, Хафиза Таныш Бухари и др.

Сочинение историка Мирза Мухаммад Хайдара (1500–1551) «Тарих-и Рашиди» содержит ряд ценных сведений об эпохе первых Шибанидов [47].

«Удивительные события» – мемуары писателя XVI века Зайн ад-Дин Махмуда Васифи, являются источником для изучения культурной жизни Мавераннахра и Самарканда. Сведения Васифи ценны тем, что он был близок ко двору тимуридских и шибанидских правителей.

Шибанидский историк Абдаллах б. Мухаммад б. Али Насраллахи в 1525 году написал на тюркском языке «Зубдат ал-асар» («Суть летописей»), которая включает в себя общую историю от сотворения мира до 1525 года. Сочинение написано для сына Суюнчходжа-хана – шибанидского правителя Таш-

¹ Существуют разночтения авторов по вопросу о наименовании правящей династии: «Шибаниды» или «Шейбаниды». Большинство современных исследователей используют термин Шибаниды [45]. Потомки Шейбани-хана практически не правили в Мавераннахре, а правители как верховные, так и удельные были представлены потомками других сыновей Абу-л-хайр-хана (1429-1468). Поэтому исследователи используют названия Шибаниды для потомков Шибана, сына Джучи, или Абулхайриды для потомков Шибанида Абу-л-хайр-хана (ум. в 1469 году) [45, с. 141]. Также применяется термин Абулхайриды / Шибаниды [65, р. 277]. Для шибанидских правителей Самаркандского удела исследователи также используют термин Кучкунджи [65, р. 288].

кента. Сочинение мало использовалось исследователями за исключением публикаций Ф. Шварца, Р. Селы и др. [60; 68].

В сочинении «Мусаххир ал-билад» Мухаммадйара ибн Араб катагана помещены сведения о Кучкунджи-хане и его потомках, правивших в Самарканде. Ценные сведения о состоянии науки и литературы содержатся в тазкире – литературных антологиях [20]. Такими антологиями, имеющими ценность для изучения истории Самарканда, являются «Музакир ал-ахбаб» Хасана Нисари [27] и др.

Первые публикации по культуре Самарканда в эпоху Шибанидов появились после вхождения Самарканда в состав Российской империи [11; 6 и др.].

С 1920-х годов начинается новый этап изучения Шибанидов. В. Вяткин, М.Е. Массон, М. Саиджанов, И. Сухарев вели архелогическое изучение Самарканда и его памятников. М. Саиджанов изучил шибанидский памятник Чильдухтарон и вкратце описал его руины [37]. Письменные источники анализировались П. Ивановым [18].

Со второй половины 1950-х годов начинается следующий этап изучения государств и культуры Шибанидов. Разные аспекты истории шибанидского Самарканда были предметом исследования Р.Г. Мукминовой, М.Е. Массона, Е. Давидович. Источники шибанидской эпохи были предметом исследования А. Семенова, Б. Ахмедова, Р. Мукминовой, Р. Джалиловой, Д. Салахетдиновой и др. М.Е. Массон занимался изучением исторической топографии Самарканда в эпоху средневековья, но, к сожалению, его материалы, касающиеся Самарканда в эпоху Шибанидов, остались неопубликованными. Фундаментальные работы Г. Пугаченковой, Л. Ремпеля, анализирующие развитие архитектуры города, позволяют проследить происходившие изменения, но в их публикациях они показаны в отрыве от религиозного фактора и политической платформы правителей. Интересные неопубликованные сведения о памятниках Самарканда содержатся в личном фонде искусствоведа Л. Маньковской в Центральном Государственном архиве Республики Узбекистан. В 1990-х годах ценный вклад в изучение мемориальной культуры первых Шибанидов в Самарканде внесли специалисты по эпиграфике Б.Бабаджанов и А.Муминов [8].

Историческая топография Самарканда XVI века и роль Шибанидов в благоустройстве города до сих пор не была предметом отдельного исследования. В предыдущих исследованиях архитектурные сооружения Шибанидов рассматривались в контексте истории архитектуры и в отрыве от религиозной политики и идеологии Шейбани-хана и его отношения к тимуридскому наследию.

Направления в изучении проблем истории правления Шибанидов в Мавераннахре отличаются друг от друга тем, как исследователи концептуализировали культуру Шибанидов. Можно выделить следующие подходы:

Первый был заложен в трудах В.Бартольда (1869–1930), который отмечал позитивные аспекты культурной истории Мавераннахра при правлении Шибанидов [6, с.269]. Исследователи подчеркивали, что культурный уровень отдельных представителей Шибанидов «вряд ли уступал уровню образованности тимуридской элиты» [3, с. 368]. А.Шиммель отмечала, что Шейбани-хан любил поэзию, миниатюрное искусство и музыку [67, р. 156]. При правлении Шибанидов имело место продолжение тимуридских традиций в архитектуре, но с инновациями [52, р. 199]. После установления власти Шибанидов в Мавераннахре наука, искусство и литература продолжали разви-

ваться, особенно при Абдулла-хане II [12, с. 304]. Культурный уровень Шибанидов в целом был высоким, так, например, наряду с литературой они поощряли, развитие зодчества [22, с. 67]. Подробный анализ участия Шибанидов в литературной жизни Мавераннахра приведен в публикациях В. Норика [28; 29; 30]. Заслуживает внимания обширная программа переводов с персидского, спонсируемая Шейбани-ханом и его последователями [41, с.56; 56, р. 135]. Однако при анализе культурной политики Шибанидов роль золотоордынских традиций оставалась вне поля зрения исследователей [41; 56; 67]. Высокий культурный уровень Шейбани-хана и Шибанидов был признан в трудах узбекистанских исследовательниц Р. Мукминовой [26], Г. Агзамовой [2, с. 34], а также российского историка Т. Султанова [45]. По мнению Е. Давидович, культура XVI в. достигла довольно высокого уровня, развивалась историческая наука, однако из естественных наук определенное развитие получила только медицина и фармакология [14].

Согласно второму подходу, культура Шибанидов представляла собой синтез оседлой и кочевой культур [58, р. 146]. П. Иванов отмечал, что Шибанидская элита всячески стремилась продолжать и развивать тимуридские культурные традиции [18, с. 79]. Высоко оценивая культуру Золотой Орды [18, с. 44–45], он, однако, не рассматривал Шибанидов Мавераннахра как продолжателей золотоордынской культуры. Наследие Тимуридов имело значение для Абулхайридов-Шибанидов, которые стремились сочетать чингизидские традиции удельной системы с тимуридскими особенностями культурного покровительства [45; 66, р. 204]. По мнению Сабтедьни, источники наглядно демонстрируют интерес Шибанидов к наследию Тимуридов [71]. Отдельные аспекты истории Самарканда в эпоху Шибанидов анализировались в публикациях К. Каттаева [21].

Третий подход заключался во влиянии негативных подходов в оценке культурного наследия Золотой Орды, в частности, культуры среднеазиатских Шибанидов. Отдельные историки достаточно однобоко характеризуют эпоху Шибанидов. Н. Веселовский относил Шибанидов к кочевникам и негативно трактовал их воздействие на оседлое население [11, с. 290]. По мнению Х.Ш. Камолова, «вторжение варварских орд кочевников и установление их власти в Мавераннахре, привели к полному разорению Мавераннахра, остановив в то же время развитие науки и культуры» [19, с. 51], а «Самарканд – потерял свой прежний облик и перестал быть политическим и культурным центром Мавераннахра» [19, с. 43].

Различные аспекты культуры шибанидского Самарканда были освещены в трудах Л. Маньковской, Г. Пугаченковой, Л. Ремпеля. В искусствоведческих исследованиях Г. Пугаченковой, Л. Ремпеля [33] архитектура Самарканда анализировалась в отрыве от религиозного и политического факторов. В двухтомной истории Самарканда приводятся сведения о Шибанидах, но их строительная деятельность рассматривается как часть истории Шибанидов Бухарского ханства без учета особенностей легитимации и удельной системы [1, с. 295–296].

Анализ вариаций легитимации власти в Бухарском ханстве, включая Шейбани-хана, приведен в монографии Кюгельген [22], который помогает понять особенности идеологии Шибанидов в Мавераннахре. Этого вопроса касались также Т. Султанов [45], ДеВиз, Ф.Шварц, Р.Макчесни, Е.Давидович

и др. Эти исследования важны для понимания политической системы и её возможное влияние на патронаж и культуру Самарканда.

За последнее время достигнут значительный прогресс в исследовании богатого культурного наследия Золотой Орды, постордынских государств [17; 25]. Результаты этих исследований важны для понимания культурного уровня представителей чингизидской элиты Золотой Орды.

Историческая топография Самарканда XVI века и роль Шибанидов в благоустройстве города в контексте их политики и легитимации до сих пор не была предметом отдельного исследования. В данном исследовании в отличие от предыдущих уделено внимание роли легитимации власти Шибанидов в формировании новых комплексов городской архитектуры в столичном Самарканде и поддержке развития тюркской литературы.

Для изучения истории Самарканда эпохи Шибанидов необходимы междисциплинарные исследования, в которых важное значение имеют археологические исследования в сочетании с источниковедческими и эпиграфическими исследованиями. В предыдущих исследованиях преобладали подходы исторические и искусствоведческие. В данном исследовании через привлечение материалов по легитимации Кучкунджидов, наследия Тимуридов и культуры Улуса Джучи был расширен подход в изучении градостроительства Самарканда.

Я не буду анализировать общегосударственный масштаб легитимации Кучкунджидов, так как это тема отдельного исследования. Моя задача заключается в том, чтобы показать как вопросы легитимации Кучкунджидов решались в Самарканде и их культурной политике. В предыдущих исследованиях архитектурные сооружения Шибанидов рассматривались как часть истории архитектуры и в отрыве от религиозной политики и идеологии царствующих монархов и его отношения к тимуридскому наследию. Я уделил внимание золотоордынскому компоненту в культуре Шибанидов.

Пути легитимации Кучкунджидов и приход к власти

А. Хазанов выделяет ряд концепций и институтов, характерных для кочевников. К их числу относятся представления о харизме и праве на правление, данном избранному роду, особая титулатура и символизм и др. [47, с. 469]. Культурный уровень кочевников разных эпох и государств имел отличия, что зависело от ряда причин. С одной стороны немаловажное значение имело их внутреннее развитие, а с другой степень и глубина взаимодействия с оседлым населением.

Потомок Джучи-хана Абулхайр-хан (1429–1468), основал государство в Восточном Дашт-и Кипчаке. Несомненно, что он был носителем культурных традиций Золотой Орды. С другой стороны, шибанидские и тимуридские историки отмечают, что Абулхайр-хан помог прийти к власти в Мавераннахре тимуриду Абу Саиду (1451–1469) и женился на Рабии Султан бегим (умерла в 1485 году в г. Туркестане), дочери Улугбека (1394–1449) [60]. В свою очередь, одна из его дочерей была выдана замуж за Абу Саидом, что позволило установить родственные связи с династией Тимуридов [41, с. 51]. Основателем государства Шибанидов в Мавераннахре стал внук Абулхайр-

хана Мухаммад Шейбани-хан (1451–1510), которому удалось захватить тимуридские владения.

По мнению Е. Давидович, политическую историю Средней Азии XVI в. можно разделить на три этапа. Первый этап (до 40-х годов XVI в.) характеризуется относительным спокойствием внутри государства, хотя крупные удельные владетели были самостоятельны, внешние признаки единства государства соблюдались. Второй этап (до начала 80-х годов XVI в.), характеризуется смутами и признания *хакана* (главы династии) многократно нарушались. Третий этап начинается с 1583 года, когда Абдаллах-хан, объединив страну «формально провозгласил себя хаканом государства» [14, с. 123–124].

По мнению М. Салахетдиновой, султаны из династии Шибанидов при предоставлении верховной власти должны были соблюдать принцип старшинства в роде. Этот принцип дважды нарушался самаркандскими султанами и знатью вскоре после смерти Шейбани-хана, правда, при чрезвычайных обстоятельствах. В 1512–13 г. при избрании Кучкунджи-хана верховным правителем, как самого старшего в роде, установили еще звание «каалга», что значит «преемник». Каалгой тогда же был назначен Суйунчходжа-хан, младший брат Кучкунджи-хана [38, с. 143]. Абулхайриды вновь ввели удельную систему территориального управления и институт курултая. Каждый член чингизидского клана был правителем в своем уделе [65, р. 280]. Ф. Шварц на основе ряда источников и малопривлеченного ранее «Зубдат ат-таварих» показал сложность политической ситуации и взаимоотношений между Шибанидами в борьбе за власть в Мавераннахре [68, р.73]. Й. Хайдорн считал, что нередко одну и ту же общественную систему могли считать легитимной на основании разных мотивов и причин [22, с. 56].

При Шейбани-хане отношение к Тимуру было неоднозначным. В «Таварихи гузида нусрат-наме» отмечается, что предки Тимура состояли на службе у Чагагай-хана, но не были знатными [45, с. 48]. После трагической смерти Шейбани-хана в 1510 году, у него оставался наследник Мухаммад Темур султан, умерший в 1514 году [45, с. 142]. После изгнания Бабура, Самарканд вновь перешел в руки Шибанидов. После гибели Шейбани-хана ханом был избран его дядя Суюнчходжа-хан (1452–1524).

Коронация Суюнчходжа-хана проходила в Самарканде в соборной мечети Амира Тимура, известной позже под названием Ханым или Биби-ханым [7, с. 128]. Как отмечает Насруллахи, после обряда восхождения на престол Суюнчходжа-хан переселился в Ак-сарай. По мнению Шварца, под Ак-сараем имелся ввиду тимуровский дворец Кук сарай, который находился в цитадели Тимура в Самарканде [68, р. 69]. Я полагаю, что, возможно, дворец с таким названием существовал в Самарканде, так как двоюродный брат тимурита Захир ад-Дин Бабура Мирзо Мухаммад Хайдар упоминает в Самарканде следующие дворцы: «Кук-сарай», «Аксарай», «Баг-и дилкушай» и «Баг-и булди» [48, с. 536–537]. По описанию М. Массона в цитадели (калаи арк или шахри дарун – внутренний город) Самарканда находились административные учреждения, дворец, мечети, хаузы (бассейны). Кроме этого Самарканд включал в себя внешний город (*шахри бирун*) и пригород (*мауза*) [48, л. 38]².

² Центральный Государственный архив Республики Узбекистан, ф.2773, личный фонд М.Е.Массона, оп.3, д.22, л.38.

Весной 1512 года ханом был избран брат Суюнчходжа-хана Кучкунджи-хан (1512–1530) [10, с. 86]. Выборы Кучкунджи-хана исходили из принципа старшинства в Шибанидском роде. Впоследствии, с согласия Шибанидских султанов, ханская власть предоставлялась роду Кучкунджи-хана: его сыновьям по старшинству и лишь после них последовательно сыновьям тех султанов, которым было присвоено звание каалги [38, с. 145]. Кучкунджи-хан выпускал монеты с пятью титулами, один из которых был представлен: «Султан величайший, хакан Абу-л-Мансур Кучкунчи бахадур-хан» [13, с. 33]. Чеканка Кучкунджи демонстрирует гораздо большее разнообразие как по дизайну, так и по легенде, чем чеканка Шейбани-хана. Титулы имама и халифа исключены из легенд, в то время как титулы султан *ал-азим* и *хакан* и (оба ранее использовались Тимуридами) занимают их место [61, р. 274]. Этот вопрос требует дальнейшего изучения. На надгробии Кучкунджи-хана была помещена надпись, в которой нашла отражение более широкая идея власти монарха, так, в ней утверждалось, что Абулмансур Кучкунджи-хан «государь тюрков, арабов и персов» [8, с. 151–152]. В данном случае интересно использование термина тюрк как обобщающего названия для определенной части населения Центральной Азии.

В 1512 году в государстве Шибанидов Мавераннахре ханский титул носили одновременно четыре султана: Суйунчходжа, Кучкунджи (Кучум), Мухаммад-Тимур и Убайдулла. Но старшим ханом являлся Кучкунджи-хан [45, с. 142]. При преемниках Шейбани-хана государство было разделено в основном на пять уделов: провинции 1) Ташкент и Ферганская долина; 2) Самарканд; 3) Бухара и 4) Кармина (Мийанкал), а после 1526 г. 5) Балх. [22, с. 66]. Примерно два года Кучкунджи и его семья делили удел с сыном Шейбани-хана Мухаммад Темуром, но он был убит в 1514 году, и не осталось ни одного подходящего претендента. С тех пор Самарканд стал исключительно уделом Кучкунджидов и оставался им до 1578 года [65, р. 293].

При правлении Кучкунджи-хана столицей государства Шибанидов оставался Самарканд. Официальным правителем государства считался самый старший по возрасту из шибанидов Кучкунджи-хан, который, избрав своей резиденцией Самарканд, сохранил за ним столичный статус. МакЧесни приводит следующую хронологию правления Кучкунджидов: Кучкунджи-хан (1512–30), Абу Саид-хан ибн Кучкунджи-хан (1530–33), затем правление племянника Шейбани-хана Убайдуллы-хана (1533–40), Абдаллах ибн Кучкунджи (1540), Абдалатиф-хан (1540–52) [64, р. 429]. Если следовать дате на надгробной надписи, Кучкунджи-хан умер в феврале 1531 г. [8, с. 153], и дела ханства перешли к его сыну Абу Саиду (1531–1533). Как и его отец, он правил в Самарканде, а Убайдулла-султан, сын младшего брата Шейбани-хана Махмуд-султана, управлял Бухарой и возглавлял армию [45, с.142]. Существовали автономные административные единицы (уделы), которые составляли ханство Абул-Хайридов с 1512 по 1582 год. В 1533–1540 годах Туркестаном управлял сын Кучкунджи-хана Абдаллах бахадур хан, а в 1540 году он был верховным правителем Шибанидов [8, с. 156].

Когда принцип старшинства переместил ханство к Убайдулле (1533–40), столицей стала Бухара. В 1540 г., опять же благодаря старшинству, столица вернулась в Самарканд, где она оставались до 1552 г. [65, р. 285]. В 1540–1552 гг. Самаркандом правил сын Кучкунджи-хана Абд ал-Латиф-хан [8,

с. 157]. В 1552 году Абд ал-Латиф-хан умер, управление Самаркандом перешло к Саид-султану ибн Абу Саид-хану. В 1553–1556 годах Самарканд находился в руках шибанида Навруз Ахмад-хана [10, с. 20–21], который был почитателем суфийских шейхов из рода Ходжа Ахрара. Затем на самаркандский престол взошел Султан Саид султан (умер в 1572/1573 гг) [20, с. 239; 8, с.162]. Пришедший после него к власти его брат Джаванмард-султан был пленён Абдаллахом II (1583–1598) в 1578 году и позже казнён. Он также был похоронен в усыпальнице Кучкунджидов [8, с. 162].

Во второй половине XVI века Абдаллах-хану II удалось консолидировать силы по централизации государства и он усиленно боролся с другими султанами за овладение мелкими и крупными уделами. Самыми сильными и активными его противниками были владельцы Самарканда и Ташкента. В 1578 году был покорен Самарканд [14, с. 122–124]. Объединение разных уделов в одно государство Абдаллах-ханом II, усиление связей с кочевым населением Дашт-и Кипчака привело к становлению новой идеологии, связанной с воображаемым единством 92 племён [62].

*Тимуридские традиции в культуре Самарканда
в эпоху Кучкунджи-хана и его потомков*

Ф. Шварц подчеркивает, что в борьбе за престол между Шибанидами владение столицей Самарканд имело центральное значение и таким образом проявлялось стремление следовать тимуридским традициям. Как отмечает Уэлсфорд, Кучкунджиды, правившие Самаркандом, имели определенные основания считать себя наследниками тимуридского прошлого [46, с.25]. Видимо, поэтому наряду с узбекскими султанами к управлению была привлечена и самаркандская знать. Символическое значение имел выбор соборной мечети Тимура как места для церемониальных действий [68, р. 70]. Очевидно, что место ритуала было выбрано не случайно, так как это была одна из крупнейших соборных мечетей Центральной Азии и напротив нее находились медресе и мавзолей чингизидки, потомка Чагатай-хана, старшей жены Тимура (1336–1405) Сарай Мульк-ханым [63]. Самарканд был резиденцией клана Кучкунджидов, отдельные представители которых были связаны с шейхами Кубрави, такими как шейх Хусайн Хорезми (1465–1551) в Самарканде [69].

После 1525 года происходил процесс интенсивной миграции значительного числа ремесленников разных специальностей из Хорасана и Герата в Бухару, Самарканд, Ташкент и другие города Мавераннахра [3, с. 369], что обогатило традиции зодчества в Самарканде. Шибаниды стремились подражать культурным достижениям Тимуридов в своих собственных дворах, в то же время использовали тимуридских мастеров для узаконивания своего политического господства над Трансоксианой [70]. Шибаниды настолько точно отражали вкусы и деятельность Тимуридов Герата, что историк Мухаммад Хайдар писал в своей книге «Тарих-и Рашиди», что узбекский двор в Бухаре напомнил ему времена Султана Хусайна [48; 71].

В Самарканде было много исламских святынь: мавзолей Рухабанд, Нураддин Басира, мемориальный комплекс Шахи Зинда. Видимо, к началу XVI века в Самарканде сложилось как минимум четыре значительных мемориально-культурных центра: один – Мазари Шах на месте погребения двоюрод-

ного брата пророка Мухаммада Кусам ибн Аббаса. Вторым центром было кладбище Чакардиза, где традиционно хоронили известных исламских теологов [23]. Третьим был комплекс Гур-и мир, где были похоронены Тимур и Тимуриды. Четвертым святилищем считался мазар суфийского лидера ордена Накшбандия Ходжа Ахрара (1404–1489) [39]. В эпоху Шибанидов число значимых святых мест в Самарканде выросло, что засвидетельствовано турецким адмиралом Сиди Али Рейсом (1498–1563), который рассказывал о своем паломничестве к святым местам Самарканда: к могиле пророка Даниила, к месту Хизра (Ильяса), могилам следующих шейхов и ученых: автора «Хидаи» Бурхан ад-дина Маргинани, Абу Мансура Мотуриды, комплекс Шах-и Зинда, Ходжа Абди-бируна, Ходжа Абди-даруна, Чупан-ату и Кази заде Руми и др. [72, р. 69–72]. В источниках сохранилось мало данных о благоустройстве Шибанидами традиционных святых мест Самарканда.

Как отмечает А. Семенов, интеллектуалы и духовенство Мавераннахра «не видели никакой разницы» между тимуридами и сменившими их Шибанидами [41, с. 59]. В эпоху Шибанидов наблюдается активность шейхов орденов Накшбандия, Йассавия и Кубравия в Мавераннахре. Последователь ордена Кубрави шейх Хусайн Хорезми (1465–1551) заслужил уважение Кучкунджи-хана. Эпизоды его биографии свидетельствуют о глубоком влиянии, которое он оказал на потомков этого правителя в Самарканде, особенно на Абу-Саида и его сына Султана Саида. Он также имел влияние на Пулад Султана, внука Шейбани-хана. Могущественный Убайдулла-хан (ум. 1539) тоже почитал шейха Хусайна Хорезми [54, р. 73]. Известным теологом и представителем Накшбандия конца XV – первой половины XVI века был Махдуми Аъзам или Сайид Джалал ад-Дин Касани (1462–1542), написавший три десятка трактатов. Махдуми Аъзама одинаково почитали шибанид Убайдулла-хан и тимурид Бабур [21, с.103–104]. Махдуми Аъзам даже написал комментарии к рубаям Убайдуллы-хана, которые назывались «Рисолаи шархи рубоёт» или «Шархи рубоёти Убайдий» [58, р. 147; 21, с. 124–125]. По указу шибанида Абдулатиф-хана от 30 декабря 1543 года потомку Ходжа Ахрара Мухаммаду Яхъе были пожалованы ранее отнятые у него Шейбани-ханом земли, сады и другая недвижимость [40, с. 311]. Кучкунджид Абу Саид-хан (1530–1533) почитал суфийского шейха тариката Йассавия школы джахрия Худайдода Вали (1461–1532), предки которого были родом из Хорезма [21, с. 220–221]. Отдельные аспекты влияния суфийского учения и суфийских лидеров на вопросы культурной политики Шибанидов Самарканда уже освещались исследователями [21; 54; 68; 69] и эта тема требует дальнейшего отдельного специального исследования.

По мнению историков искусства, в целом архитектурные традиции, заложенные при Тимуридах, были продолжены при Шибанидах, но также использовались смелые своды и купольные системы [52, р. 199]. Активную строительную деятельность Кучкунджи-хана в Самарканде отмечает гератский историк Васифи, который сообщает, что «в дни своего правления, почитание ученых и просвещенных людей считал он (Кучкунджи-хан – А.М.) своей первой обязанностью. В его царствование были возобновлены, восстановлены и украшены все медресе, ханака, обители, мечети и богоугодные учреждения, обветшавшие в прошлые времена. В медресе и ханака убиенного султана Улугбека Гурагана... было назначено 10 мударрисов, одним из кото-

рых был мавлана Амир-Калан...» [9, с. 102–107]. Почитание предков по линии Тимуридов заметно и в антропонимах Кучкунджидов, которые называли своих детей по имени Тимуридов: Шахрух, Мухаммад Джуки, Рабия Султан ханым и др. [8, с.150–163].

Кучкунджи-хан уделил внимание и медресе Шейбани-хана. В медресе Мухаммада Шейбани, «построенной у самаркандского чорсука... было назначено четыре мударриса, в их числе мавлана Ходжаги, которого считают потомком мавлана Хафи» [9, с. 102–107; 5, с. 166].

В начале XVI века начинается приток в Среднюю Азию представителей науки, культуры и искусства, бежавших из Герата. В состав этих караванов входили видные богословы, поэты, музыканты, певцы, декламаторы, были среди них и мастера художественной рукописи – каллиграфы, позолотчики, миниатюристы [33, с. 345]. Производство роскошных книг было важной особенностью Тимуридов в Средней Азии, и эта традиция продолжалась и при Шибанидах [52, р. 207]. В Бухаре были переписаны или украшены миниатюрами такие произведения как: «Тухфат ал-Ахрар», «Бахаристан», «Юсуф и Зулейха» Джами, «Гулистан» и «Бустан» Саади, в Самарканде – «Музакир ал-ахбаб» Нисари 1572–1573 г. [3, с. 372–376]. Следует отметить, что в государстве Чагатаидов, Золотой Орде и державе Тимура были популярны стихи из поэмы «Гулистан» персидского поэта Саади [52, р. 55], а в Золотой Орде эта поэма была переведена на тюркский язык. Тимурид Захир ад-дин Мухаммад Бабур (1483–1530) в 1519 году отправил в Самарканд внуку Шейбанихана Пулат султану диван своих стихов [67, р. 158], что говорит об установлении культурных связей между Шибанидами и Бабуром. Возможно, что немалую роль в этом сыграли связи суфийских наставников, которые способствовали улучшению взаимоотношений между правителями разных стран и членами их семей.

Покровительство развитию тюркского языка и литературы

Тюркский язык имел высокий статус в Золотой Орде в XIV–XV вв. [31]. Возможно, что шейхи ордена Йассави сыграли определенную роль в использовании тюркского языка в поэзии. Традиции тюркской литературы Золотой Орды нашли свое продолжение в Мавераннахре, где получила развитие литература на чагатайском языке. П. Иванов писал, что «золотоордынская художественная литература оказала воздействие на зарождение среднеазиатской тюркской литературы», что также повлияло на становление творчества Навои [18, с. 45]. Это утверждение подтверждается тем, что в государстве Тимуридов были распространены и составлялись списки тюркоязычной литературы из Золотой Орды, как например, «Мухаббат-наме» Хорезми [49, с. 13]. Хорезм сыграл определенную роль в ретрансляции золотоордынских культурных традиций в оазисы Мавераннахра.

Определенный интерес к исламской культуре и тюркской литературе проявляли чингизиды. Источники сообщают об устроенных шибанидом Абухайр-ханом в Ургенче собраниях ученых-богословов, шейхов и поэтов [4, с. 50]. По его заказу последователь тариката Кубравии Камал ад-Дин Хусайн Хорезми написал суфийское сочинение на тюркском языке «Кашф ал-худо» [55, р. 93–94].

По мнению ДеВиза, Шейбани-хан и его последователи в различных удельных центрах Мавераннахра поддерживали переводы сочинений на тюркский язык. В эту эпоху на тюркском языке была составлена большая универсальная история, известная как «Зубдат аль-Асар», однако были и сочинения на персидском языке, как например, «Тарих-и Абуль-Хайр-хани» [56, р. 135]. ДеВиз считает, что покровительство тюркскому языку можно понимать как подготовку пути к новой литературной и исторической традиции, которая, однако, осталась нереализованной [56, р. 135]. Программа переводов и покровительство тюркской литературе, которая, по-видимому, достигла своего пика в 1520-х годах, подошла к концу ко второй половине XVI века. Значительная часть исторической и агиографической литературы при правлении шибанида Абдуллы-хана ибн Искандере (ум. 1598) была на персидском языке [56, р. 135]. Выявление разных факторов, повлиявших на эти изменения требует отдельного исследования.

Экманн утверждал, что тюркский тафсир Корана был создан в эпоху Шибанидов в первой половине XVI века [57, s. 53]. Шибанид Убайдулла-хан, племянник Шейбани-хана, хотел показать свое преимущество перед Тимуридами знанием арабского языка и его использованием в литературе [58, р. 147]. Он писал стихи на тюркском, персидском и арабском языках, составил на тюрки тафсир «Кашшаф-и фазайл» («Толкователь мудрости»), а также «Куллийат-и Убайди» [45, с. 143]. Стихи писал внук Кучкунджи-хана Абдаль-султан (убит в 1578/79 году) [30, с. 59–60]. Внук Кучкунджи-хана, сын Абу Саид-хана Саид-хан, управлявший Самаркандом до 1572 года, писал стихи под тахаллусом Кухкан, также он был сведущим в музыке [30, с. 291, 295].

Творчество тюркского поэта Алишера Навои (1441–1501) привлекло внимание завоевателя Мавераннахра Мухаммад Шейбани-хана (1451–1510), который упоминал Навои в своих стихах [24, с. 398]. Традиция почитания творчества А.Навои была продолжена последующими Шибанидами-Абулхайридами. По приказу сына Абдалазиз-хана шибанида Абулфатха Йар-Мухаммад-хана была осуществлена большая работа по переписке рукописей всех поэм Навои [3, с. 374]. Навои был особенно популярен в Герате, а затем и в государстве Шибанидов. Целый ряд списков его произведений был изготовлен в Бухаре, в том числе и для представителей династии Шибанидов [35, с. 290]. Один из них был составлен около 1520 года в Самарканде [33, с. 348].

Шибанидский поэт Ходжа Баха ад-Дин Хасан или Нисари (1516–1596) стремился продолжить литературную традицию Навои, и причем интерес к творчеству Навои охватывал более широкую географическую территорию, включая Османскую империю [28, с. 189].

Как подчеркивают исследователи, покровительство Шибанидами тюркскому языку проявилось в переводе священного Корана на тюркский язык при правлении Кучкунджи-хана. А. Инан считал, что перевод был осуществлен кем-то, кто придерживался богатого тюркского литературного языка [73, р. 177]. Суфийский шейх тариката Йассавия Худайдод (по одной версии его настоящее имя было Худойберды – А.М.) Вали, имевший много мюридов, писал стихи на чагатайском тюркском языке [21, с. 224–225].

По инициативе Кучкунджихана в Самарканде на среднеазиатский тюркский (чагатайский) язык были переведены «Зафарнамэ» Шараф ад-Дина Али Йазди, «Тарихи Газани» Рашид ад-Дина и др. [44, с. 23]. Переводчиком был

Мухаммед Али б. Дервиш Али-йи Бухари. До нас дошел список переписчика Мухаммед Али б. Маулана Яр-и Али, переписавший рукопись в Самарканде в марте-апреле 1526 г. [44, с. 24]. Также был составлен труд об истории Абулхайр-хана Мас'удом б. Осман-и Кухистани, посвященный шибаниду Абдуллатиф-хану (1540–1551) [44, с. 64].

В 1540–1551 гг. Самаркандом правил сын Кучкунджи-хана Абдуллатиф-хан. Он покровительствовал поэтам и ученым. Сам Абдулатиф-хан писал стихи под литературным псевдонимом Хуш [29, с. 233]. Во времена его правления в официальной документации использовался не только персидский, но и тюркский чагатайский язык [50, с. 325]. Следует подчеркнуть, что в своих мемориальных эпиграфических памятниках Шибаниды следовали тимуридским традициям и использовали арабский и персидские языки.

На мой взгляд, широкая поддержка использования тюркского языка в Мавераннахре первыми Шибанидами была обусловлена не только определенными тимуридскими традициями [68, р. 70]. (А. Навои), но и золотоордынским наследием, в котором значительное место занимал тюркский литературный язык.

Медресе Абу Саид-хана

Данные письменных источников свидетельствуют, что медресе были довольно многочисленны в Золотой Орде. Тем не менее археологически они почти не выявлены. Единственное здание, которое однозначно может быть атрибутировано как медресе, находится в Солхате в Крыму [17, с. 130]. Традиция медресе с включением гурханы (сводчатая усыпальница – А.М.) существовала в Золотой Орде. Например, это медресе Узбека в Солхате, одно из помещений которого во второй половине XIV века было перестроено в мавзолее со склепом [16, с. 51–53]. Монументальные здания медресе, возводившиеся по распоряжению отдельных правителей в Сауране и других городах в низовьях Сыр-Дарьи, являются показателем высокого культурного уровня Золотой Орды [18, с. 45]. Определенное сходство постройки Сарая можно наблюдать со зданием медресе, исследованным на городище Сауран в Казахстане, недалеко от г. Туркестана. Само городище возникает в золотоордынское время, в XIV в., но здание медресе было возведено во второй половине XV в., возможно, начале XVI в. Медресе Саурана представляло собой прямоугольную в плане двухайванную постройку дворового плана [16, с. 57].

В Золотой Орде существовала своя мемориальная архитектура. Традиция строительства надземных купольных мавзолеев Чингизидами иллюстрируется памятниками XIV века в государстве Ильханидов, а также можно упомянуть гробницу правителя Чагатаидов Буян Кули-хана (ум. 1358) в окрестностях Бухары [53, р. 320]. Типичным тимуридским мавзолеем XV в. в присырдарьинских территориях является мавзолей Рабии Султан-бегим в г. Туркестане.

Строительство медресе в Сауране велось по распоряжению Убайдуллы-хана, и было окончено в 1515 г. Медресе представляло собой прямоугольное в плане здание симметричной дворовой композиции [42, с. 110]. Одна из хуждр сауранского медресе или ханаки служила гурханой [43, с. 606].

Какой традиции следовали Кучкунджида при возведении мемориальных построек и медресе? На наш взгляд, для прояснения этой проблемы требуются специальные исследования.

При строительстве новых архитектурных комплексов важным фактором выступает выбор места их строительства. Кроме этого вызывает интерес роль личности правителя, идеологии эпохи в осуществлении строительства здания [59, р. 53]. По мнению исследователей, в эпоху Шибанидов в Мавераннахре возрастает роль духовенства в различных сферах общественной жизни и происходит какой-то идеологический сдвиг, что, в частности, проявилось в том, что в области монументальной архитектуры резко уменьшается строительство мавзолеев. Большая часть погребений ханов и крупных шейхов осуществлялись при медресе или при ханаке [33, с. 330].

Гробница первых Шибанидов в Самарканде имела форму прямоугольной призмы, напоминающей суфу (ее называли также дахмой). В вакфном документе использовались два термина: *суфа олия* и *макбара* [26, с. 110]. Самое позднее надгробие в дахме Шейбани-хана датируется 1586 годом [8, с. 128–149], что говорит о том, что у Шибанидов Самарканда с 20-х годов XVI века сложилось два разных мемориальных комплекса: дахма Шейбани-хана (захоронения до 1586 г.) и гробница Кучкунджидов (захоронения до 1632 г.) на площади Регистан. В середине XVI века в Самарканде начал формироваться третий мемориальный центр Шибанидов на кладбище Ходжа Ахрара [8].

Основным центром Самарканда была площадь Регистан, где находились медресе Мирзо Улугбека, его ханака, караван-сарай, соборная мечеть крупного сановника Алике Кукельташа, мечеть Мукатта (мечеть Умара) или Голубая мечеть [7, с. 128]. Шесть главных улиц, следующих от ворот и сходящихся в центре у Регистана, определяли радиальный характер планировки Самарканда [33, с. 256]. Огромная соборная мечеть Тимура считалась главной в Самарканде. В городе функционировали ряд различных медресе: Мухаммад Султана, Мирзо Улугбека, Сарай Малик ханым и др.

По приказу Кучкунджи-хана в 1529/30 г. на площади Регистан в соборной мечети Алика Кукельташа был поставлен новый минбар, выточенный из цельной мраморной плиты [36, с. 83]. В ходе реставрации медресе Улугбека была обнаружена расколотая на две части мраморная плита с четким каллиграфическим текстом на арабском языке в стиле насталик. Из эпиграфической надписи следует, что обнаруженная мраморная плита была установлена в мечети, построенной по велению Кучкунджи-хана к северу от площади Регистан [51, с. 41].

При Кучкунджидах появилась несколько иная традиция, выражающаяся в погребениях внутри медресе. Так, Кучкунджи-хан и несколько его сыновей и внуков были погребены в медресе Абусаид-хана в Самарканде, Абдалазиз-хан I – при ханаке Бахауддина в Бухаре и т. д. Однако в других уделах Шибанидов, расположенных вдали от ортодоксальной Бухары, наблюдались продолжения тимуридских традиций возведения мавзолеев [33, с. 331].

В 1530–1533 годах по приказу Абу Саида сына Кучкунджи-хана к югу от медресе Мирзо Улугбека был построен мавзолей в составе медресе, который известен под несколькими названиями: мавзолей Чильдухтарон, усыпальница Кучкунджи-хана или усыпальница Абу Саид-хана [37, с. 92]. Здесь были погребены Кучкунджи-хан и его потомки. В усыпальнице были зафиксирова-

ны более 40 надгробных камней. На северной стороне был высокий портал, четыре входа. В 1533 году был сооружен бассейн [37, с. 93]. В отличие от семейного мавзолея Тимуридов – Гур-и Мир, где были похоронены два «свя-тых лица» из рода пророка Мухаммада, в мавзолее Абу Саид-хана были похоронены только члены шибанидской семьи.

Усыпальница Абу Саид-хана находилась к западу от мечети мечети Алике Кукельташа к югу от площади Регистан³. Она находилась к северу от мечети Умара [38, с. 168]. Внутри мавзолей был украшен голубыми изразцами в широкой мозаичной раме с растительным орнаментом. Стены были украшены многотонной росписью. Последние остатки изразцов были перенесены в Самаркандский музей в 1925 г. [15, с. 186]. Усыпальница Кучкунджидов свидетельствует, что интерьер усыпальницы здесь следовал той же композиции, что и позднетимуридские мавзолеи Самарканда. Однако в комплексе медресе была лишь усыпальница – гурхана, встроенная в один из углов медресе, но не самостоятельное погребальное сооружение [33, с. 330].

По мнению М. Саиджанова, позже с северной стороны усыпальницы было пристроено медресе. Главный фасад медресе был направлен к южной стене медресе Мирзо Улугбека. Усыпальница похожа на тимуридский Ак-сарай. Купол был покрыт голубой глазурью [37, с. 94]. Полагают, что медресе включало купольный зал усыпальницы [1, с. 296]. Л. Маньковская уточняет, что наверху мавзолей был увенчан рубчатый куполом, покрытым голубыми кирпичами. Название усыпальницы звучало как «Кук-Гумбаз» (голубой купол – А.М.). При украшении здания использовалась наборная мозаика и позолота. Напротив медресе был прорыт хауз⁴. Сохранилось фото руин гурханы в фотоальбоме Г. Панкратьева, изданном в конце XIX века [32, с. 51]. К 1925 году мавзолей лежал в руинах. В 1935 году в связи с реконструкцией сквера на площади Регистан было произведено археологическое вскрытие под руководством М. Саиджанова. В 1937 году еще сохранялись пять арок.⁵ Позже, к сожалению, они были разрушены.

Изучено 30 надгробий из Чильдухтарона, на которых сохранились имена Шибанидов: Шахрух султан сын Абу Саид султана (1522 г.), Мухаммад Джукки султан сын Абу Саид султана (1522 г.), Бади ал-Джамал Ханиш дочери Абу Саид Султана (1512 г.), Салиха султан ханиш дочь Кучкунджи-хана (1522 г.), Шахим бик Азиз бегим дочь амира Мухаммада (1533 г.) и другие [8]. Бахадур-султан сын султана Саид-хана погиб в 1569 году и тоже был похоронен в медресе Абу Саид-хана [30, с. 154]. Самое позднее надгробие датируется 1632 годом [8, с. 150–163]. Надгробие строителя медресе Абу Саид-хана (умер в 1533 г.) хранится ныне в Самаркандском краеведческом музее [1, с. 296]. Отдельный кусок от надгробия хранится в собрании Лувра в Париже. Возможно, один из мастеров был из Герата, где в эпоху Тимуридов были известны такие высокохудожественные надгробия [1, с. 296].

³ Центральный Государственный архив Республики Узбекистан, ф.Р-2810, личный фонд Л.Ю.Маньковской, оп.2, д.149, л.1.

⁴ Центральный Государственный архив Республики Узбекистан, ф.Р-2810, оп.2, д.166, л.1–4.

⁵ Центральный Государственный архив Республики Узбекистан, ф.Р-2810, оп.2, д.166, л.1, 3–4, 6, 7, 8.

Интересно, что медресе шибанида Барак-хана, построенное позже в Ташкенте, также называлось «Кук-Гумбаз» и первоначально состояло из самостоятельных зданий мавзолеев, которые потом были трансформированы в сложный комплекс медресе [34, с. 68].

Таким образом, в Самарканде в эпоху Шибанидов сформировались три разных мемориальных комплекса. Самый ранний представлял собой дахму или суфу Шейбани-хана при дворе медресе Шейбани-хана и его невестки Мехр-султан ханым. Второй комплекс Чильдухтарон или медресе Абу Саид-хана с включением усыпальницы находил определенные аналогии в определенных золотоордынских традициях. Третий, самый поздний комплекс Навруз Ахмад-хана находился близ мазара суфийского лидера Накшбандия Ходжи Убайдуллы Ахрара и представлял собой дахму.

Заключение

В борьбе за престол между Шибанидами владение столицей тимуридского государства Самаркандом имело центральное значение. Особенности политической системы государства Шибанидов, проявлявшейся в существовании крупных уделов с влиятельными владельцами, оказало влияние на развитие местной культурной идентичности. Одним из таких уделов был Самарканд. Особый символизм город приобрел с приходом к власти Кучкунджидов, потомков тимурида Мирзо Улугбека со стороны его дочери. Поэтому Кучкунджи-хан уделял особое внимание благоустройству зданий на площади Регистан в Самарканде, особенно медресе Мирзо Улугбека, что отличалось от политики Шейбани-хана, направленной на строительство новых зданий в Самарканде. С другой стороны, Кучкунджи-хан уделял внимание учебному процессу в медресе Шейбани-хана. Представители Шибанидов были последователями трех суфийских тарикатов: Йассавия, Кубравия и Накшбандия. Самарканд был резиденцией клана Кучкунджидов, отдельные представители которых были связаны с шейхами Кубрави.

Не исключено, что при строительстве медресе в Самарканде Кучкунджиды следовали золотоордынским традициям, когда к нему была пристроена гурхана, украшенная в стиле поздне-тимуридского мавзолея Ак-сарая. Не случайно мавзолей и медресе были возведены поблизости от медресе Мирзо Улугбека на площади Регистан. Мавзолеем Кучкунджидов архитектурно отличался от дахмы Шейбани-хана. В нем хоронили только представителей рода Кучкунджи-хана. Могила шибанида Навруз Ахмад-хана находилась близ мазара духовного наставника суфийского ордена Накшбандия Ходжи Ахрара. Таким образом при шибанидах сформировались три разных мемориальных места в Самарканде, что видимо, обусловлено разными идеологическими платформами шибанидских правителей, которые требуют специального изучения.

Самаркандские Шибаниды продолжили политику Шейбани-хана по покровительству тюркскому языку и литературе, которая, возможно, явилась продолжением золотоордынских традиций при определенном влиянии тимуридского наследия. При этом они проявляли интерес как к чингизидскому наследию, так и истории Тимуридов, нашедших отражение в исторической литературе. Некоторые шибанидские поэты продолжали литературные традиции, заложенные тюркским тимуридским поэтом Алишером Навои.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов М.М., Пугаченкова Г.А. Наука, культура, искусство, архитектура // История Самарканда. Т. 1. Т.: Фан, 1969. С. 287–302.
2. Агзамова Г.А. Некоторые вопросы культурно-духовной жизни городов Среднеазиатских ханств // Культура кочевников Центральной Азии. Материалы международной конференции. Самарканд, 2008. С. 34–40.
3. Акимушкин О.Ф. Библиотека Шибанидов в Бухаре XVI в. // Средневековый Иран. Культура, история, филология. СПб.: Наука, 2004. С. 368–382.
4. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965. 180 с.
5. Ахмедов, Б.А. История Балха: (XVI – первая половина XVIII в.). Ташкент: Изд-во «Фан», 1982. 296 с.
6. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1963. 1024 с.
7. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М.: Наука, 1964. 661 с.
8. Бобожонов Б., Муминов А., Пауль Ю. Шайбонийлар кабртошларидаги битиклар. Висбаден, 1997. 191 с.
9. Болдырев А.Н. Зайнабдин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). Душанбе: Адиб, 1989. 464 с.
10. Бухари Хафиз-и Таныш. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Ч. 1. Пер. с персидского, введ., примеч. и указ. М. Салахетдиновой. М., 1983. 299 с.
11. Веселовский Н. Подробности смерти узбекского хана Мухаммеда Шейбани // Труды VIII археологического съезда в Москве, 1890, Т. III. М., 1897. С. 290–297.
12. Воронина В.Л. Архитектура Средней Азии XVI–XVII вв. // Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. 8. М.: издательство литературы по строительству, 1969. С. 304–330.
13. Давидович Е.А. Надписи на среднеазиатских серебряных монетах XVI в. // Эпиграфика Востока. Вып. VII. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 30–40.
14. Давидович Е.А. Глава 6 «Средняя Азия при Шейбанидах. XVI в.» // История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени XVI–XVIII вв. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 120–131.
15. Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.: Всесоюзная академия архитектуры, 1939. 228 с.
16. Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. 253 с.
17. Зиливинская Э.Д. Архитектура благочестия в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным) // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. М.: издательский дом Марджани, 2013. С. 95–134.
18. Иванов П. Очерки по истории Средней Азии. (XVI – середина XIX в.). М., 1958. 247 с.
19. Камолов Х.Ш. История вторжения кочевых племен Дашт-и Кипчака в Среднюю Азию (XVI в.). Автореферат докторской диссертации. Душанбе, 2007. 52 с.
20. Катаган Мухаммадёр ибн Араб. Мусаххир ал-билод (мамлакатларнинг эгалланиши). Форс тилидан таржима, изоҳлар ва курсаткичлар муаллифлари: И.Бек-жонов, Д.Сангинова. Масъул муҳаррир: Ш.Воҳидов. Тошкент: Янги аср авлоди, 2009. 430 с.
21. Каттаев К. Тасаввуф алломалари. Тошкент: Фафур Ғулом номидаги нашриёт-матбаа ижодий уйи, 2017. 320 б.
22. Кюгельген А. фон. Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2004. 516 с.
23. Маликов А.М. История Самарканда (с древних времен до середины XIV века). Т. 1. Ташкент: Paradigma, 2017. 336 с.

24. Маликов А.М., Торланбаева К.У. Некоторые особенности культурной идентичности Шейбани-хана и монументальное строительство в Самарканде в начале XVI века // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 2. С. 391–413. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.391-413
25. Миргалеев И.М. Сколько лет золотоордынской цивилизации? // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. №1. 2014. С. 118–121.
26. Мукминова Р.Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в: по материалам Вақф-Наме. Т.: Фан, 1966. 355 с.
27. Нисорий Хасанходжа. Музакири ахбоб (Дустлар ёдномаси). Тазкира. Перевод на узб. язык И. Бекджанова. Тошкент, 1993. 344 с.
28. Норик Б.В. Жизнь и творчество среднеазиатских историков литературы XVI–XVII вв. Хасана Нисари и Мутриби Самарканди // Письменные памятники Востока. №1(2), 2005. С. 183–216.
29. Норик Б.В. Роль шибанидских правителей в литературной жизни Мавераннахра XVI в. // Рахмат-наме: Сб. статей к 70-летию Р. Р. Рахимова. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 226–267.
30. Норик Б.В. Биобиблиографический словарь среднеазиатской поэзии (XVI – первая треть XVII в.). М.: ИД Марджани, 2011. 976 с.
31. Нуриева Ф.Ш. Формирование и функционирование тюрко-татарского литературного языка периода Золотой Орды. Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. Казань, 2004. 40 с.
32. Панкратьев Г.Л. Альбом исторических памятников г. Самарканда. 1890. 54 с.
33. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М.: Искусство, 1965. 688 с.
34. Ратия Ш., Воронин Л. Мавзолей Барак-хан // «Архитектура СССР», 1936. № 11. С. 67–73.
35. Ришар Франсис. Иллюстрированные рукописи Мавераннахра в собраниях Франции. Культурное наследие Узбекистана. Т. 29. Toshkent: «Silk Road Media», «East Star Media», 2020. 424 с.
36. Рокимий Шарафуддин. Тарихи Томм. Форсийдан узбек тилига таржима ва изохлар муаллифлари: Хайдарбек Бобобеков ва Наим Норкулов. Тошкент, «Маънавият», 1998. 156 с.
37. Саиджанов М. Обследование усыпальницы Чильдухтарон в Самарканде // Социалистическая наука. 1936. №3–5. С. 92–94.
38. Салахетдинова М.А. Престолонаследие у Шейбанидов // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Доклады и сообщения. Ч. I. М.: Наука, 1987. С. 142–145.
39. «Самария», описание древностей и мусульманских святынь Самарканда Абу Тахир ходжи. Перевод В.Л.Вяткина // Справочная книжка Самаркандской области. 1898. Вып. VI. Самарканд, 1899. С. 154–259.
40. Самаркандские документы XV–XVI вв. Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О.Д.Чехович. М., 1974. 631 с.
41. Семенов А.А. Культурный уровень первых Шейбанидов // Советское востоковедение. 1956. № 3. С. 51–59.
42. Смагулов Е.А. Застройка Центральной площади города Сауран XIV–XVI вв. // Поволжская археология. 2016. № 2(16). С. 93–119.
43. Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Медресе, дворец, кархана, ханака? – Архитектурные загадки Саурана // Восхождение к вершинам археологии: сборник материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы, 2014. С. 578–613.
44. Собрание восточных рукописей АН УзССР. Т. 1. Ташкент, 1952. 440 с.

45. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. 445 с.
46. Уэлсфорд Т. «Шахри-и санг-и сабз»: Тимуридское наследие в Самарканде в XVI–XVII вв. // Вестник Международного института центральноазиатских исследований. Вып. 9. 2009. С. 23–32.
47. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
48. Хайдар Мирза Мухаммад. Тарих-и Рашиди. Введение, перевод с персидского А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Т., 1996. 656 с.
49. Хорезми. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н.Наджиба. М.: Изд. восточной лит-ры, 1961. 223 с.
50. Чехович О.Д. Из источников по истории Самарканда XV века // Из истории эпохи Улугбека. Ташкент, 1965. С. 300–361.
51. Шедевры архитектурной эпиграфики Узбекистана. Тошкент: O'zbekiston, 2011. 564 с.
52. Blair, Sheila S., and Jonathan M. Bloom. The art and architecture of Islam 1250–1800. Yale University Press, 1995. 368 p.
53. Blair, Sheila. Muslim-style Mausolea across Mongol Eurasia: Religious Syncretism, Architectural Mobility and Cultural Transformation // Journal of the Economic and Social History of the Orient 62, no. 2–3. 2019, pp. 318–355.
54. DeWeese, Devin. The Eclipse of the Kubravīyah in Central Asia in: Iranian Studies, Vol. 21, No. 1/2, Soviet and North American Studies on Central Asia. 1988, pp. 45–83.
55. DeWeese, Devin. Bābā Kamāl Jandī and the Kubravī Tradition among the Turks of Central Asia // Der Islam 71.1. 1994, pp. 58–94.
56. DeWeese, Devin. “Persian and Turkic from Kazan to Tobolsk: Literary Frontiers in Muslim Inner Asia”, in Green, Nile (ed.), The Persianate World: The Frontiers of a Eurasian Lingua Franca. Berkeley: California University Press, 2019, pp. 131–55.
57. Eckmann, János. Doğu Türkçesinde bir Kur'an çevirisi (Rylands nüshası). Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten 15. 1967, pp. 51–69.
58. Erkinov, Aftandil. The Poetry of the Nomads and the Shaybani Rulers in the Process of Transition to a Settled Society.” In Central Asia on Display: Proceedings of the VIIth Conference of the European Society for Central Asian Studies, vol. 1, LIT Verlag Münster, 2004.
59. Golombek, L., Wilber, D. The Timurid Architecture of Iran and Turan. Vol 1. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1988. 848 p.
60. Levi, Scott Cameron, and Ron Sela, eds. Islamic Central Asia: an anthology of historical sources. Indiana University Press, 2010. 318 p.
61. Lowick, N.M. Shaybānid silver coins. The Numismatic Chronicle no 6. 1966, pp. 251–330.
62. Malikov A. “92 Uzbek Tribes” in Official Discourses and the Oral Traditions from the sixteenth to nineteenth centuries // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 515–532. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.515-532
63. Malikov, A. The cultural traditions of urban planning in Samarkand during the epoch of Timur In: Cultures in contact. Central Asia as Focus of Trade, Cultural Exchange and Knowledge Transmission. Edited by Christoph Baumer, Mirko Novák and Susanne Rutishauser. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2022, pp. 407–420.
64. McChesney, R.D. “Shibanids” in Encyclopedia of Islam, vol. 9, Leiden, 1997, pp. 428–431.
65. McChesney, Robert D. “The Chinggisid restoration in Central Asia: 1500–1785. In: The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age. Edited by Nicola Di Cosmo, Allen J. Frank, and Peter B. Golden. Cambridge University press, 2009, pp. 277–302.
66. Melville, Charles (2021). Akbar's History of the Timurids, Iran, 2021, 59:2, 203–224, DOI: 10.1080/05786967.2021.1911735

67. Schimmel, Annemarie. Some Notes on the Cultural Activity of the First Uzbek Rulers // *Journal of the Pakistan Historical Society* 8, no. 3 (1960): 149–166.

68. Schwarz, Florian. “Unser Weg schließt tausend Wege ein”: Derwische und Gesellschaft im islamischen Mittelasien im 16. Jahrhundert. (*Islamkundliche Untersuchungen*, 226). Berlin, Klaus Schwarz, 2000, 270 p.

69. Schwarz, Florian. “An Endowment Deed of 1547 (953 h.) for a Kubravi khanaqah in Samarkand.” *Die Grenzen Der Welt. Arabica et Iranica ad honorem Heinz Gaube* 189. Wiesbaden: Reichert, 2008, pp.189–209.

70. Subtelny, Maria Eva. Socioeconomic Bases of Cultural Patronage under the Later Timurids in *International Journal of Middle East Studies* 20, no. 4. 1988, pp. 479–505.

71. Subtelny, Maria Eva. The Timurid Legacy: A Reaffirmation and a Reassessment, *Cahiers d’Asie centrale* [Online], 3/4 | 1997, connection on 14 November, 2019. Available at: <http://journals.openedition.org/asiacentrale/462> (accessed 28.02.2023).

72. The travels and adventures of the Turkish admiral Sidi Ali Reis in India, Afghanistan, Central Asia and Persia during the years 1553–1556. Translated from Turkish, with notes by A.Vambery. London, 1899. 123 p.

73. Zülfikar, Hamza. Çağatayca bir Kuran tefsiri. *Türkoloji Dergisi* 6, no. 1. 1974, pp.153–195.

Сведения об авторе: Азим Маннонович Маликов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Азиатских исследований, Университет Палацкого в Оломоуце (77900, ул. Свободы, 26, Оломоуц, Чешская Республика); ORCID: 0000-0002-0173-2014. E-mail: azimmel2018@gmail.com

*Поступила 13.01.2023 Принята к публикации 02.03.2023
Опубликована 29.03.2023*

REFERENCES

1. Abramov M.M., Pugachenkova G.A. Science, culture, art, architecture. *History of Samarkand*. Vol. 1. Tashkent: Fan Publ, 1969, pp. 287–302. (In Russian)
2. Agzamova G.A. Some questions about the cultural and spiritual life of the cities of the Central Asian khanates. *Culture of the nomads of Central Asia. Materials of the international conference*. Samarkand, 2008, pp. 34–40. (In Russian)
3. Akimushkin O.F. Library of the Shibanids in Bukhara, 16th century. *Medieval Iran. Culture, history, philology*. St. Petersburg: Nauka, 2004, pp. 368–382. (In Russian)
4. Akhmedov B.A. *State of nomadic Uzbeks*. Moscow: Nauka, 1965. 180 p. (In Russian)
5. Akhmedov B.A. *History of Balkh: (16th – the first half of 18th century)*. Tashkent: Fan, 1982. 296 p.
6. Bartol'd V.V. *Works*. Vol. 2, part 1. Moscow: Nauka, 1963. 1024 p. (In Russian)
7. Bartol'd V.V. *Works*. Vol. 2, part 2. Moscow: Nauka., 1964. 661 p. (In Russian)
8. Bobojonov B., Muminov A., Paul Y. Inscriptions on the gravestones of the Sheibanids. Wiesbaden, 1997. 191 p. (in Russian, Uzbek and German)
9. Boldyrev A.N. *Zainaddin Vasifi. Tajik writer of the 16th century (Experience of creative biography)*. Dushanbe: Adib, 1989. 464 p. (In Russian)
10. Bukhari Hafiz-i Tanysh. *Sharaf namayi shakhi. Book of Shah's Glory*. Part 1. Translation from Persian, introduction, notes and pointers by M. Salakhedinova. Moscow, 1983. 299 p. (In Russian)

11. Veselovskiy N. Details of the death of the Uzbek Khan Mohammed Sheibani. Proceedings of the VIII Archaeological Congress in Moscow. 1890, vol. III. Moscow, 1897, pp. 290–297. (In Russian)
12. Voronina V.L. *Architecture of Central Asia XVI–XVII centuries. General history of architecture in 12 volumes*. Vol. 8. Moscow: izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu, 1969, pp. 304–330. (In Russian)
13. Davidovich Ye.A. Inscriptions on Central Asian silver coins of the 16th century. *Epigraphy of the East*. Issue VII. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1953, pp. 30–40 (In Russian)
14. Davidovich Ye.A. Chapter 6 “Central Asia under the Sheibanids. XVI century”. *History of the East. East at the turn of the Middle Ages and modern times of the XVI–XVIII centuries*. Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2002, pp. 120–131
15. Denike B.P. *Architectural ornament of Central Asia*. Moscow: Vsesoyuznaya akademiya arkhitektury, 1939. 228 p.
16. Zilivinskaya E.D. *Essays on the cult and civil architecture of the Golden Horde*. Astrakhan: Astrakhanskiy gosudarstvennyy universitet, Izdatel'skiy dom «Astrakhanskiy universitet», 2011. 253 p. (In Russian)
17. Zilivinskaya E.D. The architecture of piety in the Golden Horde (according to written sources and archaeological data). *From Onon to the Thames. Chingisids and their western neighbours*. Moscow, 2013, pp. 95–134. (In Russian)
18. Ivanov P. *Essays on the history of Central Asia (16th–mid-19th centuries)*. Moscow, 1958. 247 p. (In Russian)
19. Kamolov Kh.Sh. *The history of the invasion of the nomadic tribes of the Dasht-i Kipchak into Central Asia (XVI century)*. Abstract of doctoral dissertation. Dushanbe, 2007. 52 p. (In Russian)
20. Katagan Mukhammadyar ibn Arab. *Musakhkhir al-bilod. Conquest of countries*. Translation from Persian, introduction, notes and pointers by I.Bekzhonov, D.Sanginova. edited by S.Vokhidov. Tshkent: Yangi asr avlodi, 2009. 430 p. (In Uzbek)
21. Kattaev K. *Scholars of Sufism*. Tashkent: G'afur G'ulom nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi, 2017. 320 p. (In Uzbek)
22. von Kügelgen A. *The legitimization of the Central Asian dynasty of the Manghyts in the works of their historians (eighteenth–nineteenth centuries)*. Almaty: Dayk-press Publ., 2004. 516 p. (In Russian)
23. Malikov A.M. *History of Samarkand (from ancient times until the middle of the 14th century)*. Vol. 1. Tashkent: Paradigma, 2017. 336 p. (In Russian)
24. Malikov A.M., Torlanbayeva K.U. Some features of the Cultural Identity of Shaybani Khan and the Monumental Construction in Samarkand at the Beginning of the Sixteenth Century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 2, pp. 391–413. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.391-413 (In Russian)
25. Mirgaleyev I.M. How old is the Golden Horde civilization? *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. Vol. 1, 2014, pp. 118–121 (In Russian)
26. Mukminova R.G. *On the history of agrarian relations in Uzbekistan in the 16th century: based on the materials of “Vakf-Name*. Tashkent: Fan, 1966. 355 p. (In Russian)
27. Nisoriy Khasankhodzha. *The memory of friends*. Transl. to Uzbek by I.Bekjonov. Toshkent, 1993. 344 p. (In Uzbek)
28. Norik B.V. *Life and work of Central Asian literary historians of the 16th–17th centuries Hasan Nisari and Mutribi Samarkandi. Written monuments of the East*. Vol. 1, 2005, pp. 183–216. (In Russian)
29. Norik B.V. The role of Shibanid rulers in the literary life of Maverannahr in the 16th century. *Rakhmat-name: Sat. articles for the 70th anniversary of R.R. Rakhimov*. St. Petersburg: MAE RAN, 2008, pp. 226–267. (In Russian)
30. Norik B.V. *Biobibliographic dictionary of Central Asian poetry (16th – first third of the 17th century)*. Moscow: ID Mardzhani, 2011. 976 p. (In Russian)

31. Nuriyeva F.Sh. Formation and functioning of the Turkic-Tatar literary language of the Golden Horde period. Abstract of doctoral dissertation. Kazan, 2004. 40 p. (In Russian)
32. Pankrat'yev G.L. *Album of historical monuments of Samarkand*. 1890. 54 p. (In Russian)
33. Pugachenkova G.A., Rempel' L.I. Art history of Uzbekistan from ancient times to the middle of the nineteenth century. Moscow: Iskusstvo, 1965. 688 p. (In Russian)
34. Ratiya SH., Voronin L. *Barak-khan mausoleum. Architecture of the USSR*. 1936. Vol. 11, pp. 67–73. (In Russian)
35. Rishar Fransis. *Illustrated manuscripts of Maverannahr in the collections of France*. Toshkent: «Silk Road Media», «East Star Media», 2020. 424 p. (In Russian and English)
36. Rokimiy Sharafuddin. *History of Tomm*. Translation from Persian, introduction, notes by Kh.Bobobekov, N.Norqulov. Toshkent: Ma"naviyat, 1998. 156 p. (In Uzbek)
37. Saidzhanov M. Examination of the tomb of Childukhtaron in Samarkand. *Socialist Science*. Vol. 3–5, 1936, pp. 92–94. (In Russian)
38. Salakhedinova M.A. The Sheibanids' succession to the throne. Written monuments and problems of the history of culture of the peoples of the East. *XXI Annual Scientific Session of the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. Reports and message*. Part 1. Moscow: Nauka, 1987, pp. 142–145. (In Russian)
39. "Samaria", description of antiquities and Muslim shrines of Samarkand Abu Tahir khodja. Translation by V.L. Vyatkin. Reference book of the Samarkand region. 1898. Iss. VI. Samarkand, 1899, pp. 154–259.
40. Samarkand documents of the XV–XVI centuries. Facsimile, critical text, translation, introduction, notes and indexes by O.D. Chekhovich. Moscow, 1974. 631 p.
41. Semenov A.A. The cultural level of the first Sheibanids. *Soviet Oriental Studies*, 1956, vol. 3, pp. 51–59. (In Russian)
42. Smagulov Ye.A. Development of the Central Square of the city of Sauran XIV–XVI centuries. *The Volga River Region Archaeology*, vol. 2 (16). 2016, pp. 93–119 (In Russian)
43. Smagulov Ye.A., Yerzhigitova A.A. Madrasah, palace, karkhana, khanaka? – Architectural mysteries of Sauran. *Climbing to the heights of archeology: collection of materials of the international scientific conference "Ancient and medieval states on the territory of Kazakhstan", dedicated to the 90th anniversary of the birth of K.A. Akisheva*. Almaty, 2014, pp. 578–613. (In Russian)
44. Collection of oriental manuscripts of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR. Vol. 1. Tashkent, 1952. 440 p. (In Russian)
45. Sultanov T.I. *Chingis Khan and the Chingisids. Fate and power*. Moscow: ACT, 2006. 445 p (In Russian)
46. Uelsford T. "Shahri-i Sang-i Sabz": Timurid Heritage in Samarkand in the 16th–17th Centuries. *Bulletin of the International Institute of Central Asian Studies*. Iss. 9, 2009, pp. 23–32. (In Russian)
47. Khazanov A.M. *Nomads and the outside world*. 3rd edition. Almaty: Dayk-Press, 2002. 604 p. (In Russian)
48. Khaydar Mirza Mukhammad. *History of Rashid*. Translation from Persian, introduction, notes and pointers by A.Urunbayev, R.P. Dzhililova, L.M.Yepifanova. Tashkent, 1996. 656 p. (In Russian)
49. Khorezmi. *Mukhabbat-name*. Transcription, translation, notes and pointers by E.Nadzhip. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1961. 275 p. (In Russian)
50. Chekhovich O.D. From sources on the history of Samarkand of the 15th century. *From the history of the Ulugbek era*. Tashkent, 1965, pp. 300–361. (In Russian)
51. Masterpieces of architectural epigraphy of Uzbekistan. Toshkent: O'zbekiston, 2011. 564 p. (In Russian)

52. Blair, Sheila S., and Jonathan M. Bloom. *The art and architecture of Islam 1250–1800*. Yale University Press, 1995. 368 p.

53. Blair, Sheila. Muslim-style Mausolea across Mongol Eurasia: Religious Syncretism, Architectural Mobility and Cultural Transformation. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 62, no. 2–3 (2019), pp. 318–355.

54. DeWeese, Devin. The Eclipse of the Kubravīyah in Central Asia in: *Iranian Studies*, Vol. 21, no. 1/2, Soviet and North American Studies on Central Asia. 1988, pp. 45–83.

55. DeWeese, Devin. Bābā Kamāl Jandī and the Kubravī Tradition among the Turks of Central Asia. *Der Islam* 71.1. 1994, pp. 58–94.

56. DeWeese, Devin. “Persian and Turkic from Kazan to Tobolsk: Literary Frontiers in Muslim Inner Asia”, in Green, Nile (ed.). *The Persianate World: The Frontiers of a Eurasian Lingua Franca*. Berkeley: California University Press, 2019, pp. 131–55.

57. Eckmann, János. Doğu Türkçesinde bir Kur’an çevirisi (Rylands nüshası). *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten* 15. 1967, pp. 51–69. (In Turkish)

58. Erkinov, Aftandil. The Poetry of the Nomads and the Shaybani Rulers in the Process of Transition to a Settled Society. In *Central Asia on Display: Proceedings of the VIIIth Conference of the European Society for Central Asian Studies*, vol. 1, p. 145. LIT Verlag Münster, 2004, pp. 145–150.

59. Golombek, L., Wilber, D. *The Timurid Architecture of Iran and Turan*. Vol. 1. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1988. 848 p.

60. Levi, Scott Cameron, and Ron Sela, eds. *Islamic Central Asia: an anthology of historical sources*. Indiana University Press, 2010. 318 p.

61. Lowick, N.M. Shaybānid silver coins. *The Numismatic Chronicle* no 6. (1966), pp. 251–330.

62. Malikov A. “92 Uzbek Tribes” in Official Discourses and the Oral Traditions from the sixteenth to nineteenth centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 515–532. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.515-532.

63. Malikov A. The cultural traditions of urban planning in Samarkand during the epoch of Timur In: *Cultures in contact. Central Asia as Focus of Trade, Cultural Exchange and Knowledge Transmission*. Edited by Christoph Baumer, Mirko Novák and Susanne Rutishauser. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden. 2022, p. 407–420.

64. McChesney, R.D. Shibanids. *Encyclopedia of Islam*, vol. 9, Leiden, 1997, pp. 428–431.

65. McChesney, Robert D. The Chinggisid restoration in Central Asia: 1500–1785. *The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age*. Edited by Nicola Di Cosmo, Allen J. Frank, and Peter B. Golden. Cambridge University Press, 2009, pp. 277–302.

66. Melville, Charles. Akbar’s History of the Timurids. *Iran*, 2021, 59:2. pp. 203–224, DOI: 10.1080/05786967.2021.1911735

67. Schimmel, Annemarie. Some Notes on the Cultural Activity of the First Uzbek Rulers. *Journal of the Pakistan Historical Society* 8, no. 3 (1960): 149–166.

68. Schwarz, Florian. “Unser Weg schließt tausend Wege ein”: *Derwische und Gesellschaft im islamischen Mittelasien im 16. Jahrhundert*. (Islamkundliche Untersuchungen, 226). Berlin, Klaus Schwarz, 2000. 270 p. (In German)

69. Schwarz, Florian. An Endowment Deed of 1547 (953 h.) for a Kubravi khanaqah in Samarkand. *Die Grenzen Der Welt. Arabica et Iranica ad honorem Heinz Gaube* 189. 2008, pp.189–210.

70. Subtelny, Maria Eva. Socioeconomic Bases of Cultural Patronage under the Later Timurids. In *International Journal of Middle East Studies* 20, no. 4, 1988, pp. 479–505.

71. Subtelny, Maria Eva. The Timurid Legacy: A Reaffirmation and a Reassessment, *Cahiers d’Asie centrale* [Online], 3/4 | 1997, connection on 14 November, 2019. Available at: <http://journals.openedition.org/asiacentrale/462>

72. The travels and adventures of the Turkish admiral Sidi Ali Reis in India, Afghanistan, Central Asia and Persia during the years 1553–1556. Translated from Turkish, with notes by A. Vambery. London, 1899.

73. Zülfikar, Hamza. “Çağatayca bir Kuran tefsiri.” *Türkoloji Dergisi* 6, no. 1. 1974, pp.153–195. (In Turkish)

About the author: Azim Malikov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of Asian Studies, Faculty of Arts, Palacky University Olomouc (26, Svoboda Str., Olomouc 77900, Czech Republic); ORCID: 0000-0002-0173-2014. E-mail: azimmal2018@gmail.com

*Received January 13, 2023 Accepted for publication March 2, 2023
Published March 29, 2023*